

Н. А. Зворыкин

Избранные произведения

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 796
ББК 75.5
Н11

Н11 **Н. А. Зворыкин**
Избранные произведения / Н. А. Зворыкин – М.: Книга по Требованию, 2015. –
368 с.

ISBN 978-5-519-15367-6

Н. А. Зворыкин (1873—1937) начал печататься в советских охотничьих изданиях с момента их появления и сразу же приобрел большую популярность среди читательских охотничьих масс. Книги Зворыкина выходили обычно несколькими изданиями: спрос на них повышался непрерывно.

Успех этих книг был, разумеется, не случайным, а вполне закономерным. В данном случае слово писателя получало самый глубокий отзыв в уме и сердце читателя. Читатель-охотник благодарно оценил книги Зворыкина и за их деловитость и научность, и за их увлекательно-художественную живость.

Как правильно определил М.М. Пришвин, органическое сочетание научности и художественности — одна из самых характерных особенностей богатого и разнообразного творчества Зворыкина. Другой характернейшей особенностью его творчества является универсализм, охват чуть ли не всех сторон и разновидностей охоты как спорта.

Репринт оригинального издания 1955 года.

ISBN 978-5-519-15367-6

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Н. А. ЗВОРИКИН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ХУДОЖНИК

I

В двадцатых годах в Москве выходили два охотничих издания — «Охотничья газета» и ежемесячный журнал «Охотник». Редакции этих изданий, помещавшиеся почти рядом *, являлись своеобразным охотниччьим клубом, живой галереей русской охоты.

Подмосковные охотники доставляли сюда волнующие «сводки» о начале глухариного тока или об осенних вальдшнепиных высыпках. Здесь в разговорах «открывались» прекрасные места «небывало богатых» охот («полей»). Мастера-птицеловы показывали свое удивительное умение подражать «бою» перепела или щелканью соловья. Недавние великолкняжеские и барские егери — смуглолицые люди в старых «венгерках» — приводили на показ могучих густопсовых борзых и паратых костромских гончих. Иногда встречались и псовые охотники из мелкопоместных дворян. Среди них особенно колоритен был И. С. Бровцын, судья по борзым на выставках собак, седой, пышноусый, в верблюжьей поддевке со следами заячьей и лисьей крови, в высокой барашковой папахе с алым бархатным верхом.

Несколько под стать Бровцыну был Н. В. Туркин, редактор-издатель лучшего дореволюционного охотничьего журнала «Природа и охота». С Н. В. Туркиным подолгу беседовал профессор С. А. Бутурлин, который с первой встречи очаровывал и трогательной любовью к природе

---

* «Охотничья газета» на б. Никольской; «Охотник» — в Ветошином пер.

и охоте, и острым умом, светившимся в его голубых глазах.

Частым гостем в «Охотнике» и «Охотничьей газете» бывал и М. М. Пришвин — постоянный сотрудник этих изданий, тогда еще совсем молодой, чернобородый, несколько напоминавший классического цыгана. М. М. Пришвин, помню, первым рекомендовал мне прочесть вышедшую в 1926 году книгу Н. А. Зворыкина «Охота на лисиц».

— Это замечательная книга, — говорил Пришвин. — Автор ее очень талантлив: он даже в деловом изложении остается художником...

Н. А. Зворыкин (1873—1937) начал печататься в советских охотничьих изданиях с момента их появления и сразу же приобрел большую популярность среди читательских охотничьих масс. Книги Зворыкина выходили обычно несколькими изданиями: спрос на них повышался непрерывно.

Успех этих книг был, разумеется, не случайным, а вполне закономерным. В данном случае слово писателя получало самый глубокий отзыв в уме и сердце читателя. Читатель-охотник благодарно оценил книги Зворыкина и за их деловитость и научность, и за их увлекательно-художественную живость.

Как правильно определил М. М. Пришвин, органическое сочетание научности и художественности — одна из самых характерных особенностей богатого и разнообразного творчества Зворыкина. Другой характернейшей особенностью его творчества является универсализм, охват чуть ли не всех сторон и разновидностей охоты как спорта.

В своей книге «Охота по перу» Зворыкин в предельно сжатом виде обрисовал привычки и повадки охотничьих птиц леса, болота и поля и одновременно — самые разнообразные способы охоты на этих птиц.

Книги Зворыкина о волчьей и лисьей охоте по справедливости считаются одними из самых лучших во всей охотничьей литературе, — на этих настольных книгах воспиталось уже не одно поколение советских охотников.

Книга «Повадки животных» — глубокое и тонкое исследование мира живой природы — относится к числу выдающихся произведений современной биологической литературы.

Небольшое по размерам руководство «Как определить свежесть следа» целиком переносит читателя в царство «матушки-зимы», прививая ему навыки неутомимого и внимательного следопыта.

Творчество Зворыкина — настоящая школа охоты: оно обстоятельно знакомит охотника с жизнью птицы и зверя, помогает ему ориентироваться в лесу и в болоте, культивирует в нем священное чувство охраны природы.

Вместе с тем, как уже указывалось, в творчестве Зворыкина пытливый исследователь постоянно соседствует с взыскательным художником. Отсюда литературная значимость творчества Зворыкина и его заслуженное долголетие.

II

Бессмертная книга С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852) наглядно доказала, что охотник в известных случаях может стать в процессе непосредственного соприкосновения с природой подлинным ученым. Аксаков, не имея какого-либо специального образования, сделался замечательным ученым-орнитологом именно в процессе охоты. Значение аксаковских «Записок», этой подлинно вдохновенной поэмы об охоте, — непреходяще: они, вот уже сто лет, с наслаждением и пользой читаются и маститыми учеными, и охотниками, и просто любителями природы.

Аксаков был создателем целой школы в области научно-художественной литературы. Эта школа выдвинула в прошлом ряд интересных и содержательных писателей (Н. Н. Толстой, Ан. Васьков, И. Шведов, А. А. Черкасов, Фл. Арсеньев, Н. Н. Фокин, Н. А. Байков и др.).

Н. А. Зворыкин — один из самых ярких представителей аксаковской школы, один из самых значительных писателей-натуралистов советской эпохи.

Значение и ценность каждого ученого и писателя определяются прежде всего тем, что нового, своего, до него не сказанного, вносит он в науку или литературу.

Об охоте, в частности, написаны — и в прошлом, и в настоящем — сотни всяческих наставлений и руководств, справочников и путеводителей; однако огромное большинство из них не пережило первого издания, поскольку они были результатом не творческой работы, а компиляции (пересказом сказанного).

Ценность и прелесть работ Н. А. Зворыкина и заключается главным образом в том, что он не шел легкими, проторенными путями, а исходил из непосредственного опыта, рассказывая об этом опыте красочным и богатым, индивидуально-собственным языком.

Охотник с многолетним опытом, человек тонкой наблюдательности и острой памяти, Зворыкин внес в охотничью литературу огромный вклад интереснейших наблюдений, обогащающих наши знания и представления о мире живой природы. Он подсмотрел и открыл в этом своем любимом мире такие уголки и явления, которые до него не видел никто.

Вот некоторые, очень немногие, из этих наблюдений зоркого и чуткого писателя-натуралиста.

...Многие охотники любят охоту на вальдшнепов на осеннем пролете (на высыпках). Эта охота очень красива по обстановке, но стрельба на этой охоте довольно трудна: вальдшнеп всегда поднимается неожиданно, как бы обманывая охотника.

Зворыкин пишет по этому поводу: «Вальдшнеп снабжен природою большой способностью ловко на лету выпутываться из сплетений ветвей и, опустив клюв по брюшку, круто согнув шею, винтом подниматься вокруг ствола дерева, минуя густые разветвления концов веток... Видя даже сидящего или стоящего на вытянутых ногах вальдшнепа в двух-трех шагах от собаки, нельзя определить ни направления, ни характера полета».

Интересны и наблюдения Зворыкина над бытом тетеревов.

Охотники, например, удивляются иногда, почему в типично тетеревиных местах (березовое мелколесье, ягодники, потные лесные болота и т. п.) собака совсем не обнаруживает тетеревиных набродов и вдруг делает крепкую стойку где-нибудь на окраине бора.

Оказывается, «молодые тетерева нуждаются в сухих солнечных местах, особенно после росистого утра или часто перепадающих дождей, по причине которых тетерка нередко переводит свою семью в смежный хвойный лес».

Во второй половине августа — начало охоты на тетеревов — тетерева любят посещать на зорях посевы овса, оставляя следы — пересекающиеся тропинки «наподобие внешних линий очертаний двух треугольников, соединенных основаниями». «Рисунок таких тропинок происходит

вследствие привычки тетеревят расходиться и сбегаться на кормежке, проверяя, не нашел ли который-нибудь из них чего-нибудь особенно вкусного...»

Зорко подмечено Зворыкиным и влияние погоды на поведение птицы.

«Ветер и отчасти снег положительно не нравятся тетереву. Тетерев — птица наземная и взлетает на деревья прежде всего и главным образом, чтобы кормиться, а качание веток, конечно, затрудняет кормление, не представляет удобства для отдыха после кормежки и вдобавок ерошит перья... Когда сильный иней замохнатит все сочленение ветвей, тетерев заметно смиренее и подпускает ближе. Несомненно, что заслон опущенных инем ветвей успокоительно действует на птицу».

Повадки рябчика, одной из самых грациозных лесных птиц, тоже в совершенстве изучены Зворыкиным.

Охотник-наблюдатель отметил, например, у рябчика «замечательную способность садиться, лепиться с быстрого полета на дерево, не покачнувшись при посадке; он садится на лес, как чирок на воду».

Привычка же молодых рябчиков «стрекотать, повернувшись в сторону приближающегося человека, значительно облегчает задачи охотника, так как стрекотание помогает насмотреть птицу, а иногда и сразу обнаружить ее».

Много всяческих своеобразных особенностей и в жизни серой куропатки.

«Часто в межах, в закрайках пашни, особенно с мягкой землею, песчаной, подзолистой, обнаруживаются ямки (копанки-порски) в две сомкнутые ладони — это песчаные ванны куропаток; в ямках этих всегда останется после встрихивания птицы не одно перышко».

С такой же остройшей зоркостью наблюдал Зворыкин и жизнь зверей — волка, лисицы, зайца, выдры, белки.

Непревзойдённый знаток-практик волчьих охот, Зворыкин создал поистине всеобъемлющее руководство по истреблению этих вреднейших хищников и вместе с тем художественно показал их во всей дикой красоте.

Приводить отдельные примеры из книг Зворыкина о волках не имеет смысла: все в этих превосходных книгах взято из личной практики охотника-волчатника и все воспринимается как новое слово в области благородной

охоты на зверей-хищников, подлежащих беспощадному истреблению.

Зворыкин был большим знатоком и жизни лисицы.

Исключительно ярко зарисована, например, мышкующая лисица:

«Она приподнялась на задние лапы, одновременно свечой поднялся и хвост; через миг она сделала в таком положении прыжок вверх и упала всеми четырьмя лапами в одно место».

В погоне же за русаком лисица «разом поставила свой хвост под прямым углом — поперек своего хода, и руль этот резко повернул ее туловище по нужному направлению. В скором времени она схватила русака».

Для охотников, умеющих манить лисицу, подражая писку мыши или крику зайца, имеет весьма существенное значение такое наблюдение Зворыкина:

«Лисица зорка и вдобавок определяет слухом место, откуда доносится звук; следовательно, туда же направлен ее взгляд. Эти свойства лисицы заставляют обязательно прибегать к заслону и одежде защитного цвета».

Прекрасно расшифрована Зворыкиным в монографии о зайце скидка (сметка) русака: «Стрелой несется испуганный русак. Задние ноги его способны так оттолкнуться, что русак, подпрыгнув чуть не на метр вверх, несется по воздуху метра три и, собрав комком все четыре лапки, падает на них, делая в снегу одну широкую ямку».

Неустанный наблюдатель фауны, Зворыкин, естественно, наблюдал и все сезонные явления в природе, постоянно проявляя себя вдумчивым фенологом-художником.

Его специальная практическая работа «Как определить свежесть следа» отличается такой тонкостью рисунка, что кажется сплетенной из мельчайших кристаллов инея, из разноцветных блесток, украшающих снег в морозный и ясный зимний день.

В главе «Распознавание следов при инее» Зворыкин, в частности, пишет: «Иней характерен своими фигурными блестками; благодаря этому он сильно выделяется от обычного снежного покрова... Садится иней не только плоскою стороною своих пластинок и звездочек, но и ребром. Поэтому предметы, покрытые инеем, имеют шершавый, щетинистый вид».

В другой главе: «Следы в перистом снегу» — читаем: «Перистый снег своим названием указывает, что снежинки имеют вид птичьего пера и, следовательно, представляют собою тонкие, кружевные, прямые и выгнутые, удлиненные или округлые опахала разной величины».

М. М. Пришвин был безусловно прав, когда говорил, что Зворыкин «даже в деловом изложении остается художником».

Зворыкин отлично знал, понимал и чувствовал меру, вес и красоту слова, всегда обращался с ним бережно, ласково и любовно. Он умел отбирать из необъятного словарного фонда такие именно слова, которые с наибольшей ясностью, точностью и образностью передают мысль. В его книгах, как правило, нет ни утомительных пустот, ни надоедливого словесного «бульяна». Зворыкин писал сжато и кратко, постоянно придерживаясь золотого ста-ринного правила о тесноте слов и просторе мыслей. Он писал только о том, что знал в совершенстве, — а знал он прежде всего природу и охоту средней полосы России, — и почти никогда не брался за те темы, где нужно было руководствоваться не опытом собственной практики, а данными литературы.

Зворыкин был писателем-мастером, постоянно стремившимся к своеобразию стиля и умеющим хорошо, прочно и красиво «строить» свои произведения: наряду с чувством слова он обладал и чувством композиции.

Произведения Зворыкина, независимо от их тематики, пересыпаны сравнениями (образами), которые достигают иногда большой изобразительной силы.

Так, описывая осеннюю охоту на уток, Зворыкин замечательно сравнивает волны то с «пенистыми уступами», то с «белыми чепчиками», а шумные тростники — с «коксими хвостами на ветру».

А сколько поэзии в таком, например, образе: «одна осина нарушает тишину трепетаньем листвьев, будто бабочка на оконном стекле».*

Чудесны, далее, все сравнения, употребляемые Зворыкиным-следопытом. Ему кажется, что в блестящий зимний день «улыбаются печатные следы на снегу» и что среди прочих следов особенно красив «лукавый лисий

---

* Курсив и здесь и дальше мой. — Н. С.

след», вьющийся по снегу «ровненькими звеньями, блинок за блинком, отпечатывая пальцы и коготки». Охотник-наблюдатель замечает, что «ржаво-седой лисий хвост с витыми полосами черной шерсти похож на широкую еловую ветвь».

«Солнце молодит иногда старые, хорошо сохранившиеся следы», — подчеркивает писатель, зарисовывая картину солнечного снежного поля с точки зрения следопыта. «На уплотненном мягким снегу свежий след отличается чистотой, белизной и точностью», — продолжает он и тут же делает такой безупречно-поэтический вывод: «Однако красивый его рисунок очень скоро *старится от ветра*».

Чрезвычайно выразительно также уподобление следов дроби на снегу «гнездам ласточек в песчаном обрыве» или гула выстрела в лесу — «гремучей колеснице...»

Охотничьи монографии, записки и руководства Зворыкина имеют большое воспитательное и познавательное значение для охотников и любителей природы. Имя Зворыкина как энциклопедиста охоты давно и прочно вошло в культурный обиход читателя. Значительно меньше известен Зворыкин как беллетрист, как автор своеобразных и далеко не заурядных охотничьих рассказов.

Как беллетрист Зворыкин проявил себя еще в дореволюционное время: в 1916 году в «Русской мысли», художественный отдел которой редактировал тогда Ал. Блок, были напечатаны два рассказа Зворыкина.

В течение двадцатых годов ряд его рассказов был помещен в тогдашних охотничьих журналах — столичных и местных. Беллетрист постоянно ощущался и во многих охотоведческих и монографических трудах Зворыкина.

В частности, его книгу «Волк»* можно целиком отнести к подлинно художественным произведениям.

Сейчас, четверть века спустя, большинство рассказов Зворыкина читается попрежнему с интересом и удовольствием: они выдержали самое строгое и беспристрастное из испытаний — испытание временем.

Рассказы Зворыкина, как и его монографии, отличаются прежде всего наблюдательностью, сжатостью изложения, яркостью и образностью слова. Они художе-

* Частично печатается в этом сборнике. — Ред.

ственными средствами раскрывают жизнь нашей фауны, с большой красочностью воспроизводят процесс той или иной охоты, дают выразительные образы охотников.

Рассказы «Бессмертная песнь» и «Весеннее» целиком переносят читателя в заповедный мир токующего глухаря, целиком погружают его в тепло и прохладу глухого весенне-гого бора.

Небольшой рассказ «Дупель» в изящной лирической форме показывает ряд характерных повадок этой красивой птицы. «Дупель» интересен и тем, что он говорит о широком кругозоре писателя, умевшего с одинаковым мастерством изобразить и русское осенне поле, и шумный морской прибой, и далекие африканские равнины.

С большой живостью передается в рассказе «В зеленой хвое» страстное напряжение ружейной охоты с гончими.

Прекрасно, под стать хрестоматийным описаниям, изображен, во всей его сверкающей прелести, ясный зимний день в рассказе «Красный лисовин».

Четкая композиция, свободное владение диалогом, умение создать живой человеческий образ — все это наглядно свидетельствует о несомненной одаренности и опытности Зворыкина-беллетриста.

Люди в рассказах Зворыкина обрисованы в его обычной манере: скжато, скруто и очень выразительно, со всеми своими типическими чертами.

Крепко остается в памяти читателя Афанасий-медвежатник (герой одноименного рассказа), русский охотник-богатырь, готовый без раздумий вступить в рукопашное единоборство с медведем, человек глубокой и мягкой, тонко чувствующей души.

Большую и трогательную заботу проявляет о процветании родного охотничьего хозяйства герой другого рассказа («Встреча») — старый деревенский охотник Дмитрий.

Двое молодых охотников из рассказа «Русаки» резко отличаются между собой индивидуальными особенностями характера.

Особенно же удался Зворыкину Федулаич, один из основных персонажей книги «Волк». В галерее охотничьих образов Федулаич по своей характерности может по праву занять место после Данилы Л. Толстого и Феопена Е. Дриянского.

Федулаич — умный и внимательный следопыт, совершенный мастер волчьей охоты.

Высокое мастерство Федулаича как следопыта наглядно доказывает такой хотя бы пример:

«Федулаич то нагибался к снегу, то, отойдя, старался сбоку заметить разницу светового отражения на полосе, по которой прошел волк. Наконец, он лег на снег к вешкам и стал губами сдувать снег на предполагаемой ямке следа. Верхний слой отлетел, обнажилась капля крови и тусклая ямка волчьего следа».

Основные герои рассказов Зворыкина — охотники-крестьяне. Необходимо, однако, указать, что эти крестьяне-охотники — представители доколхозной деревни; колхозной деревни писатель не знал: с конца двадцатых годов он жил в городе.

Говоря о творчестве Зворыкина — и научно-исследовательском, и беллетристическом, — нельзя не отметить широкого наличия в нем нежного и светлого русского пейзажа.

Пейзажные отступления встречаются решительно во всех работах Зворыкина. Но они никогда не прерывают и не замедляют основной мысли произведения, а лишь иллюстрируют или дополняют эту мысль: Зворыкин всегда владел чувством художественного такта и меры.

Пейзаж Зворыкина, в основе очень своеобразный, несколько напоминает пейзаж Аксакова, поскольку поэт постоянно дополняет в нем исследователя.

«Подходим к берегу. При приближении к тенистому лесу дышать стало легче, будто спала дневная жара.

На спайке болота с берегом чернело окнище величиной в большую ванну, заполненное водой цвета крепкого чая.

Водомеры, похожие на тараканов, спешно *прорезали, как алмазом*, черточки по воде и останавливались под мшистым закрайком ямы» («Волк»).

Вместе с тем пейзаж Зворыкина глубоко эмоционален и согрет сокровенной душевной теплотой.

«И рябина, и осина, и береза начали уже окрашиваться, каждая по-своему, тем *начальным стыдливым румянцем осени*, который не позволяет еще издали определить породу дерева. Весьма немногочисленные и скромные цветы нежились, доживая свои последние часы, а глубокое молчание всей природы под последними лучами